

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Историческая фабула	8
Основатель государства	
Князь Олег. <i>Биографический очерк</i>	13
Вечный Олег. <i>Рассказ</i>	28
Пассивный Игорь и активный Игорь	
Игорь Рюрикович (?). <i>Биографический очерк</i>	43
Игорь Великий. <i>Рассказ</i>	51
Остроумная Ольга	
Княгиня Ольга. <i>Биографический очерк</i>	63
Гегемон и Архонтисса. <i>Рассказ</i>	69
Последний викинг	
Святослав Игоревич. <i>Биографический очерк</i>	87
Жертвоприношение Аборна. <i>Рассказ</i>	97
Равноапостольный грешник	
Владимир Святославич. <i>Биографический очерк</i>	111
Шестая заповедь. <i>Рассказ</i>	123
Главный злодей	
Святополк Окаянный. <i>Биографический очерк</i>	137
Все-таки первый. <i>Рассказ</i>	143

Умеренно мудрый Ярослав	
Ярослав Владимирович. <i>Биографический очерк</i>	157
О любви, храбрости и мудрости. <i>Рассказ</i>	166
«Гореславич»	
Олег Святославич. <i>Биографический очерк</i>	189
Горькая доля. <i>Рассказ</i>	196
Единоборец	
Владимир Мономах. <i>Биографический очерк</i>	209
Поминки по Итларю. <i>Рассказ</i>	217
«Первый великоросс»	
Андрей Боголюбский. <i>Биографический очерк</i>	231
Любимый Богом Андрей. <i>Рассказ</i>	239
Последняя попытка	
Всеволод Большое Гнездо. <i>Биографический очерк</i>	257
Византийская наука. <i>Рассказ</i>	265
Homme fatal Древней Руси	
Мстислав Удатный. <i>Биографический очерк</i>	281
Ныне отпускаеши. <i>Рассказ</i>	288

ПРЕДИСЛОВИЕ

Десять лет я писал многотомную «Историю российского государства» (издательство АСТ, 2013–2022), пытаюсь разобраться в биографии одной из самых озадачивающих стран планеты Земля — уяснить смысл и логику общественно-политических процессов, причины национальных побед и поражений, вывести некую формулу, которая «всё объяснит». Одним словом, сражался с Тютчевым, утверждавшим, что умом Россию не понять.

Формулу-то я исчислил и «общий аршин» нашел (во всяком случае предположил), но упор на причинно-следственные связи и закономерности неизменно вел к схематизации и упрощениям, высушивал повествование — «суха теория, мой друг». Главной потерей, которую я остро ощущал, были личности, оставившие след в истории. Неэмоциональный жанр вынуждал относиться к ним как к винтикам и шестеренкам огромного механизма, и это вызывало у меня авторскую досаду.

Самое интересное в истории — люди, которые ее делали. Они не были функциями, они были *живыми*: любили и ненавидели, создавали и разрушали, совершали высокие и низкие поступки, делали открытия и ошибались. Я придумал, что параллельно с «рациональными» томами буду выпускать «эмоциональные» — сочиню по роману про каждую эпоху, которую описываю, и тем самым оживлю ее для себя и для читателя. Но этого оказалось недостаточно. Меня всё больше интересовали не вымышленные, а реальные деятели истории. Не все, а некоторые — те, кто в силу исключительных жизненных обстоятельств и своих индивидуальных качеств словно излучают яркое сияние, в которое мне очень хотелось взглянуть повнимательней. Несколько крупных исторических фигур я превратил в эпизодических персонажей своей беллетристики, и всякий раз чувствовал себя скульптором-антропологом, восстанавливающим облик давно умершего человека по костям черепа.

Потом мне пришла в голову идея: а что если рассказать историю России снова, совсем по-другому? Так, как это делали в старину, еще до Ключевского, в дореволюционных гимназиях — не через причинно-следственные связи, а через личности. Не последовать ли примеру Костомарова, написавшего труд «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», но только с неким дополнительным компонентом?

Что если подобрать цепочку отдельных судеб, из которых составитя судьба всей страны, но при этом не устраивать экскурсию по мемориальному кладбищу, от могилы к могиле, а воскресить покойников, чтобы увидеть их во плоти, услышать их голоса, попасть в их жизнь? Конечно, духов с того света без колдовства не вызовешь, но литература и есть колдовство, волхование. Однако написать беллетризованные жизнеописания «делателей истории» недостаточно — авторская фантазия всегда искажает факты. И я придумал жанр, который совместит fact и fiction: сначала описание того, что происходило на самом деле, потом рассказ о том, *как* это происходило — или, верней, как это *могло* происходить.

Название серии, которую начинает эта книга, — «Иллюминация истории». «Иллюминация» в старинном, изначальном смысле слова, то есть сопровождение хроники виньетками и миниатюрами: вот ее текст, старательно воспроизведенный переписчиком, а вот картинки — плод воображения иллюминатора.

Я как автор выступаю здесь в обоих качествах — и переписчика, и иллюминатора.

Каждый раздел книги состоит из двух частей.

В первой я суммирую биографические факты, достоверно известные о данном человеке. Будучи соединены вместе, эти главы хронологически складываются в историю эпохи, просто в центре повествования находятся не «процессы», а их инициаторы и участники. Выражаясь по-театральному, это спектакль «актерский», а не «режиссерский». Драма же называется «Роль Личности в истории».

Вторая часть каждого раздела — моя «картинка»: беллетристическая новелла, в которой я изображаю героя таким, каким он мне видится.

Сочетание несвободы в исторической половине и простора в художественной позволяют мне выполнить задачу, казалось бы, недостижимую для автора исторических книг: и волки фантазии сыты, и овцы фактографии целы.

Несколько слов об историческом периоде, которому посвящена книга, рассказывающая о предыстории государства.

На самом деле в эту эпоху — с девятого по тринадцатый век — русского государства еще не существует. Оно возникнет только во второй по-

ловине пятнадцатого столетия. Раннегосударственная централизованная монархия, именуемая великим княжеством Киевским, — отдаленный предок Российской Федерации, равно как и еще нескольких государств: Украины, Белоруссии, отчасти Литвы. Таким образом, речь пока идет о пред-России. Контуры будущей страны только начинают проступать сквозь туман. Чем дальше вглубь веков, тем больше сомнительного и недостоверного, тем труднее отличить факт от легенды.

Весьма условная правдивость самых ранних сведений объясняется тем, что почти все они почерпнуты из одного источника, так называемой «Повести временных лет», величайшего литературного памятника — и крайне ненадежного исторического ресурса. Это тоже в значительной мере беллетристика, пересказ древних преданий. Летописец, составлявший рукопись в начале XII века, был хорошо осведомлен лишь о событиях последнего столетия, но подстраивал факты и их толкование под «госзаказ» — интересы киевского великокняжеского двора. Переписывая древние, не дошедшие до нас хроники, автор что-то редактировал, прибавлял, наверняка и цензурировал. Кое-какие сведения Летописи (далеко не все) можно сверить с информацией, которую дают более поздние не-киевские хроники, сохранившиеся документы, иностранные источники и археологические находки. Вы увидите, что я очень осторожен в оценках достоверности событий — даже тех, которые изложены в школьных учебниках.

Книга начинается с главки «Историческая фабула», коротко объясняющей суть древнерусской истории. Общий ее сюжет вполне логичен и строен, несмотря на кажущуюся хаотичность.

В пьесе о становлении и распаде раннего русского государства бесчисленное множество действующих лиц, но я отобрал лишь актеров первого плана (в первоначальном смысле слова астор — «совершающий деяния»). Все они княжеского звания — такая уж это была эпоха: историю двигали только государи.

При «кастинге» я прежде всего учитывал пресловутый «эффект бабочки» — как в хрестоматийном рассказе Рэя Брэдбери. Каждый из персонажей — «бабочка», без которой сегодняшняя Россия получилась бы несколько другой, а в некоторых случаях даже и совсем другой.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАБУЛА

Первое восточнославянское государство возникло не по случайности и не вследствие чьего-то великого замысла, а по причине сугубо прагматической.

В VIII–IX столетиях Средиземное море, по которому проходили традиционные торговые маршруты между центром тогдашней христианской цивилизации — Византией и Западной Европой, в результате арабской экспансии стало слишком опасным для коммерции. Возник новый канал: от Черного моря до Балтики по рекам Восточно-Европейской равнины.

Северной опорной точкой «Пути из варяг в греки» стал Новгород, южной — Киев. Тот, кто сумел бы взять под свой контроль эту магистраль, оказался бы в очень выигрышной ситуации.

В конце девятого века эту задачу осуществил базировавшийся в Новгороде варяжский вождь Хельги (по-славянски Олег). Он и его преемники, «севшие» в Киеве, но сохранившие власть над Новгородом и всеми ключевыми пунктами «товаропровода», сосредоточили в своих руках прибыль от транзита. Они брали с караванов пошлину, плату за охрану, за ремонт кораблей и за обслуживание, наконец активно участвовали в торговле собственными товарами.

Огромные прибыли позволили киевским князьям содержать сильную армию, постоянно расширять зону своего влияния и требовать дань с региональных правителей.

В период своего максимального расцвета, в середине одиннадцатого века, древнерусское государство стало одним из бога-

Панъевропейский торговый маршрут. Правый сегмент и есть «Путь из варяг в греки»

тейших в Европе, а Киев даже соперничал в роскошестве с Константинополем.

Падение обширной державы произошло по той же самой причине, по которой она поднялась, — вернее, когда эта причина утратила свою актуальность.

Ослабели арабы, и торговля по Средиземному морю восстановилась, да и Византия утратила былое значение — для Европы больший интерес теперь представляла торговля с Востоком.

У киевских властителей резко сократились доходы. Области рыхлого государства перестали опасаться центра, уже неспособно-

го удерживать их силой. Начался процесс автономизации, обособления, а затем и полного отделения регионов.

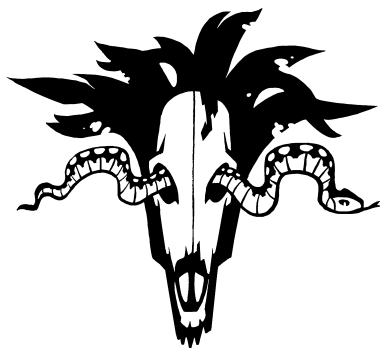
Таким образом, древнерусское государство погубили вовсе не монголы — они лишь без особого труда подберут осколки бывшего величия. К моменту Батыева вторжения бывшее великое княжество, некогда занимавшее почти всю Восточную Европу, превратилось в лоскутное одеяло, состоявшее из полусотни средних, маленьких и крошечных государств.

Вот, собственно, и вся фабула.

Из 350-летнего древнерусского периода «от Рюрика до Батыева» для дальнейшей истории России значение имеют, пожалуй, только два события.

Во-первых, выбор православия в качестве государственной религии и, во-вторых, политическое усиление северо-востока, где одна из ветвей Рюриковичей, потомки Юрия Долгорукого, со временем построят новое русское государство — то самое, которое, с модификациями, просуществует до XXI века.

ОСНОВАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВА

КНЯЗЬ ОЛЕГ

биографический очерк

Много лет ведутся два спора: кого следует считать самой важной фигурой отечественной древней истории и кто был основателем раннерусского государства.

Первый вопрос лично у меня сомнений не вызывает. Самой важной персоной киевской эпохи является тот, кто сохранил о ней память.

В древней истории всякой страны самые важные люди — историки. Без них потомки ничего не знали и не помнили бы о прошлом, а то, что они знают и помнят, всегда отражает индивидуальность автора. Тем более, если источник один-единственный, как в нашем случае. Хроникер должен был учитывать политическую конъюнктуру, чтобы не прогневить заказчика, великого князя, но тот вряд ли входил в детали. Акценты, иерархия событий, а во многих случаях и их оценка несомненно принадлежат Летописцу (именно так, с большой буквы). От него во многом зависело, что включать в текст, а что нет; кого он восхвалял, того чтили и в последующие века; кого он осуждал, те потом традиционно описывались как злодеи.

Мысль о том, что ключевой фигурой отечественной истории является коллега-литератор, мне, не скрою, очень приятна.

В начале одиннадцатого века в Киеве был написан так называемый «Древнейший свод» — рассказ о важнейших событиях последних века-полутора. В последующие десятилетия эта хроника несколько раз дополнялась и редактировалась, но лишь при Владимире Моно-

махе (вероятно, в 1113 году) началась системная работа по составлению некоей Главной Летописи. Она получила название «Повесть временных лет», что означает «Рассказ о минувших годах». Прежние хроники растворились в этом большом тексте. Он тоже дошел до нас не в первоизданном виде, а с многочисленными позднейшими модификациями, притом разными. Самая ранняя из версий, Лаврентьевская (по имени суздальского переписчика Лаврентия), относится к 1377 году.

Обидно, что личность главного героя древнерусской истории достоверно не установлена. В тексте Ипатьевского списка (сохранился в Ипатьевской обители) автор назван — без имени — «черноризцем Феодосьева монастыря Печерского», то есть монахом Киево-Печерского монастыря.

Установить имя великого черноризца пытались многие его последователи, историки позднейших времен. Выдвигались разные предположения, но основных кандидатов два.

Поначалу авторство приписывали киево-печерскому иноку **Нестору**. В одной из копий Летописи он указан прямо: ««Повесть временных лет» Нестера черноризца Феодосьева монастыря». Правда, список этот поздний, середины XVI века. Что более существенно — сохранилось письмо начала XIII века, в котором упомянут «Нестер, иже тѣй написа летописец». Для историков девятнадцатого столетия этого было достаточно — как и для церкви, которая причислила Нестора к лику святых (кажется, единственного среди историков).

Однако современные исследователи отдают предпочтение другому киевскому монаху — Сильвестру.

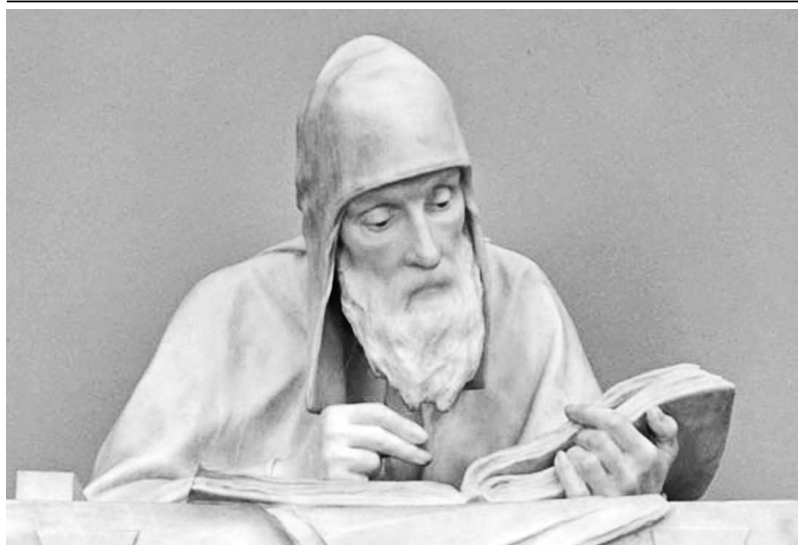
Во-первых, в трех других списках обозначено: «Игумен Селивестр святого Михаила написал книги си летописец». Во-вторых, по своему положению этот претендент гораздо больше подходил для столь ответственной миссии. Сильвестр был не рядовой монах, а настоятель столичного Михайловского монастыря, где тогда находился скрипторий — нечто вроде цеха по составлению рукописей. Судя по всему, игумен был близок к великому князю и возможно даже состоял при нем духовником. Настоятель монастыря мог не просто переписывать и компилировать старые хроники, но и руководить целой командой писцов, а кроме того еще и имел доступ к дипломатическим документам, часть которых вставил в «Повесть».

В. Ключевский попытался примирить обе гипотезы, предположив, что Нестор был создателем некоей древнейшей киевской летописи, которая в подлинном виде не сохранилась, а Сильвестр ее отредактировал и дополнил. Однако сейчас у специалистов «рабочей гипотезой» считается, что вероятным автором-составителем «Повести временных лет» является все же Сильвестр.

Сохранилась сделанная им приписка, исполненная сознания важности выполненной работы: «Игумен Силвестр святого Михаила написах книги си летописец, надеяся от Бога милость прияти при князе Володимере княжашю в Киеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила в 6624 индикта 9 лето [1116 год от Р.Х.], а иже четьи книги сия то буди ми в молитвах».

И уж в чем в чем, а в этом сомнений нет: все, кто читал «Повесть временных лет», обязаны поминать Сильвестра (или Нестора?), одним словом, Летописца, молитвой или добрым словом.

Это не только самый важный, но и самый лучший деятель древнерусской истории.

Нестор-летописец. *Марк Антокольский. 1890 г.*

Мы не знаем, как выглядел Нестор и был ли он нашим Летописцем, но скульптура прекрасна — примерно таким автор «Повести» наверняка и был

Вопрос о создателе государства еще сложнее.

Традиционно таковым считают Рюрика, однако про него почти ничего неизвестно — во всяком случае, ничего достоверного: ни кем он был, ни существовал ли он вообще. (Впрочем, это довольно обычно для основателей древних государств — вспомним Ромула с Ремом или японского императора Дзимму.)

«Повесть временных лет» начинается с того, что в год 6370 (то есть 862) северные славянские племена, словене с кривичами, и чудь, то есть угро-финны, устав воевать друг с другом, отправились за море к каким-то «варягам, что назывались русью» и пригласили трех братьев — Рюрика, Синеуса и Трувора: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». «И пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля».

Тут возникает множество сомнений, которые никто окончательно не разрешил, и вопросов, на которые никто исчерпывающе не ответил.

Во-первых, с восемнадцатого века ведутся споры, что за «варяги-русь» такие? В эту полемику постоянно вмешивались политика и эмоции. Кошунственные предположения, что русское государство основали чужеземцы, еще Ломоносов назвал «досадными и весьма несносными».

До сих пор выдвигаются другие, более лестные для национального самосознания версии — у нас ведь по-прежнему преобладает эмоциональное, «патриотическое» отношение к истории. Но лично мне наиболее вероятной представляется версия о том, что инициаторами процесса, приведшего к образованию первого государственного объединения, все же были викинги.

Их военно-разбойничьи дружины в ту эпоху бродили-плавали по всей Европе, а кое-где и оседали, создавая новые княжества и династии. Во всяком случае, сохранившиеся в летописях и документах имена ранних русских князей и знатных людей по преимуществу скандинавские: Олег (Helgi), Игорь (Ingvar), Аскольд (Hoskuldr), Свенельд (Sveinaldr), Рогволд (Ragnvald).

Второй вопрос: приглашали ли местные жители иноземного князя?

Ничего особенно фантастического в подобной версии нет. Несколько десятилетий спустя норманнского вождя Роллона пригласят поселиться в северной Франции, чтобы защищать ее от врагов, — так появится герцогство Нормандия. У новгородцев же вообще было принято звать к себе иноземельных и даже инородных князей.

Наконец, очень возможно, что викинги ниоткуда не приплывали, а просто жили рядом со славянами в очень выгодном месте — у балтийского «терминала» великого торгового пути из Византии. Археологические исследования в Старой Ладоге установили, что скандинавы там поселились раньше славян.

С Рюриком более или менее ясно только одно: он оставил потомство. Всё прочее окутано туманом.

Самое странное, что ни в каких других источниках, кроме нашей Летописи, воцарение пришлого князя на новгородской земле не упоминается — хотя скандинавские саги вроде бы не должны были обойти молчанием столь яркое событие.

Может быть, оно и не было ярким. Ведь, собственно, ничего особенного не произошло, если никто никого не завоевывал, а просто «пришел и сел». Вполне вероятно, что местные племена всего лишь наняли варяжскую дружину для охраны (такое часто случалось).

Единственный мало-мальски подходящий исторический кандидат в наши Рюрики — ютландский хёвдинг (предводитель дружины) Рёрик (Hrørek) из датского королевского рода Скьельдунгов. Основание считать его героем Летописи — за исключением созвучия имен — только одно: Рёрик был очень активен в западных морях и землях примерно до того момента, когда Рюрик перебрался на Новгородчину, а потом появляется в европейских хрониках только эпизодически. Это вполне могло объясняться тем, что теперь хёвдинг был занят освоением новой территории.

Не исключено, что он сделал своей главной резиденцией Ладугу и наведывался оттуда на запад. Власть Рюрика, по-видимому, распространялась на три области: новгородскую, изборскую и белозерскую. Помянутые в «Повести» Синеус с Трувором, возможно, вовсе не существовали, а были неправильно понятыми титулами хёвдинга: Signjotr (Победоносный) и Thruwar (Верный). Во всяком случае никаких следов в истории Синеус с Трувором не оставили.

Следующая книга серии:

**«ЯРКИЕ ЛЮДИ
ОРДЫНСКОЙ ЭПОХИ»**